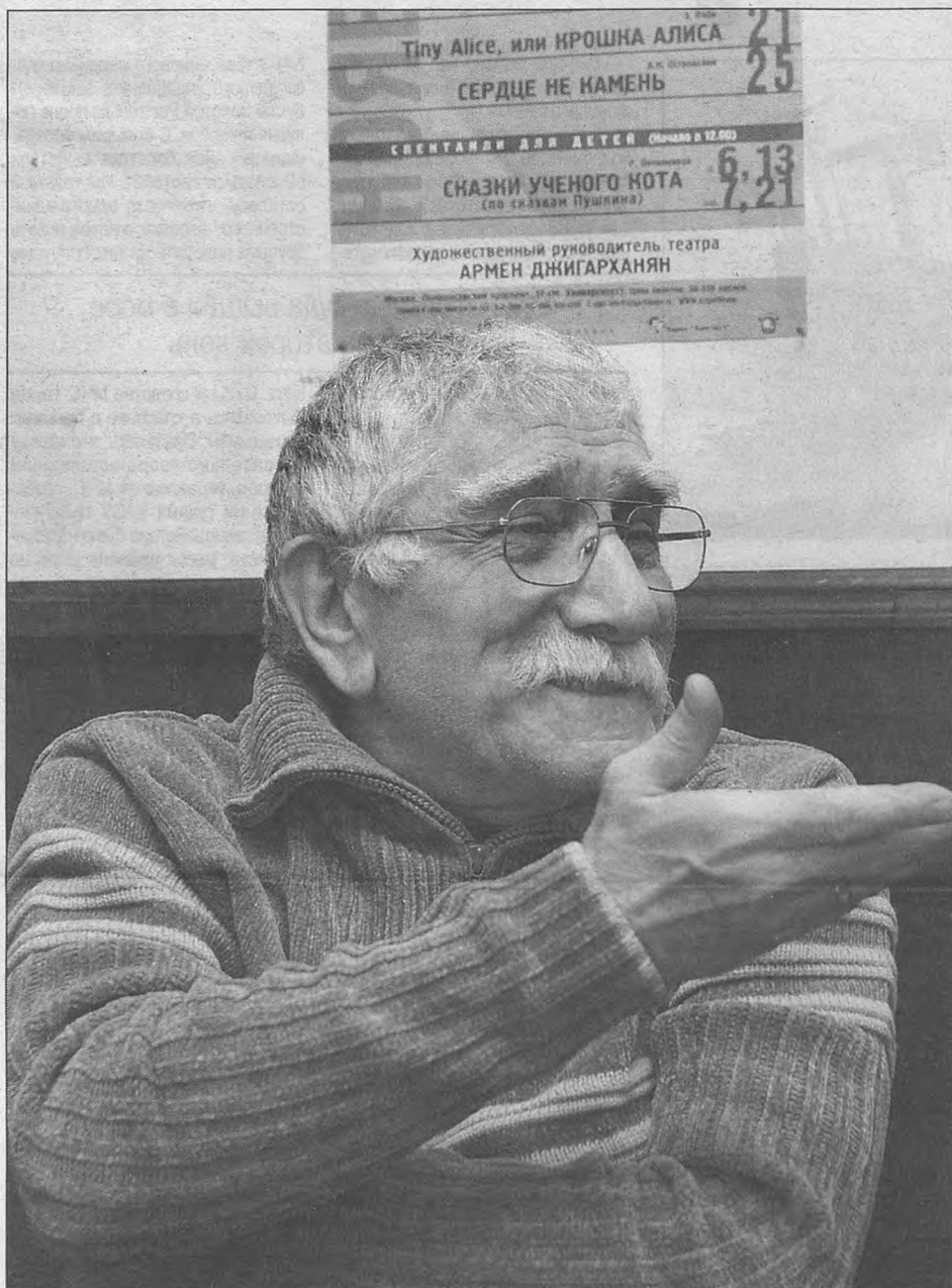

Интервью номера

Тот, кто обещал вернуться

Окончание. Начало на стр. 1

— Ну и где вы были столько времени? Мы уже начали волноваться.

— Где вы были с восьмью до одиннадцати?

— Вот именно.

— Ну где я был? Где всегда бываю. Три месяца провел в Америке.

— Некоторые газеты опять написали, что Джигарханян не вернется, все, финита, он остался в Штатах... Кому-то выгодно каждый год эти слухи распускать.

— Я не думаю, что кому-то выгодно. Это просто такое: баяня-баяня... Языком треплют. Надо же взрывную новость придумать. Я не скрываю, что там хорошо, тепло, вкусно, что там порядок, и так далее. Для своего театра там чему-то учусь.

— А почему вам в Америке хорошо?

— Они все любят, чем занимаюсь. Они любят зрителя, любят покупателя, который пришел в магазин, больного, который пришел в больницу. Любят.

— Но это же неискренне. Просто, чтобы поднять товарооборот.

— Меня не интересует искренне — неискренне. Меня интересу-

ет, что мне хорошо. Я вот тут недавно прикоснулся к нашей медицине, и если то, как меня встретили, — это искренне, то спасибо, не хочу.

— Неужели вас могут плохо встретить? Вы же народный любимец.

— Все мне говорят: ну это же Вы!!.. Наивные люди. Думаете, они нас сортируют: к этому будем хорошо относиться, к этому плохо. Если бы у них была такая позиция, было бы легче. Было бы с чем бороться. А это мораль.

— Чем мораль отличается от позиции?

— Мораль отличается тем, что так живут. Они даже не задумываются об этом. Они просто нас не любят. У нас все повсеместно друг друга не любят.

— Ну почему? Вот мы с вами сидим, улыбаемся, и у нас с этим все в порядке...

— У нас в порядке.

— Насколько я знаю, раньше вы ездили в Штаты к другу...

— Теперь уже не к другу. Я перевез туда жену, и мой кот там, вот видишь фотографию, мой сладкий... И я к ним еду. Вот сейчас поеду на, извини за выражение, Кристмас.

— Как место называется?

— Это место называется: штат Техас, город Даллас, а там, где

моя жена и кот живут, называется Гарланд. Лена, это рай. Говорю только о быте. Люди в Америке такие же, но быт у них почему-то другой. Уважительный. Мы даже можем с тобой слово «любовь» снять. Оно опасное, видишь, у тебя даже возник вопрос — искренняя любовь или нет. Будем говорить, что меня уважают. Если у меня на заправке пупочка не нажимается, он высказывает из своей будки: извините ради бога...

— Чем вы там занимаетесь?

— Ничем. Только скотский отдых. Читаю, музыку слушаю.

— А круг общения?

— Два-три человека из бывших наших. У меня же языка нет. Если бы у меня был язык, я бы вторгся в Америку.

— Значит, не зря вас записывают в невозвращенцы...

— Нет, нет, я не собираюсь начинать жизнь там. Даже если бы я идеально знал язык, я бы не сумел. Сейчас. Вот если бы ты могла, как Мефистофель, скинуть мне лет сорок — не меньше — и то я беру грань очень опасную, получается тридцать лет... Вот тогда еще можно было бы попробовать начать новую жизнь на другой планете.

— В качестве актера?

— Когда бы я начал бы там жизнь, возможно, эта страна от-

кликнулась бы на мои поползновения в актерской профессии. А может, и нет. Как одна моя давняя подруга сказала: одно из главных достоинств Америки в том, что она тебе через полгода назначает настоящую цену. И это к лучшему. Чтобы человек не обманывался. Хотя обидно бывает. Диаспора из-за этого страдает и хает Америку. Здесь он был режиссером кинематографа, а там ему сказали: ты даже ассистентом не можешь работать...

Вообще, если мы исключим интрижные вещи: ах, Америка, ах, в Америке, это то, к чему мы все должны стремиться. Я здесь хочу жить, здесь, не в каком-то другом месте, но уважительно. Как американцы живут.

— Ну это нереально.

— Реально. Конечно, не завтра.

Мы с великим артистом по фамилии Папанов снимались в Турции. Держались на консервах, экономили суточные, как тогда было принято. Однажды мы делились друг с другом консервами, и он замечательно сказал: если ты думаешь, что эти консервы не отражаются в наших глазах, ты глубоко заблуждаешься...

— И не послезавтра.

— И не послезавтра. Сорок лет наш друг, да, водил людей по пустыне?.. Но все равно начинать когда-то надо. А если нам не надо, если мы и так проживем, это еще страшнее. В конце концов мы всегда имеем то, что заслуживаем.

Я часто ошибался: думал, вот какой я артист великий. Оказывалось, нет.

— Кто вам сказал?

— Я сам. Сам сказал, что я потенциально хороший артист. Ни в одной другой профессии так не отражается в человеке все, что с ним по жизни происходит. Мы с великим артистом по фамилии Папанов снимались в Турции. Держались на консервах, экономили суточные, как тогда было принято. Однажды мы делились друг с другом консервами, и он замечательно сказал: если ты думаешь, что эти консервы не отражаются в наших глазах, ты глубоко заблуждаешься...

Нашему театру через полтора-два года будет десять лет. Я очень хочу, чтобы мы гордились этим, радовались этому и в честь этого поставили Шекспира. Даже знаю, какую пьесу. Но меня беспокоит такой вопрос: у шекспировских героев масса комплексов, кроме одного. У них не бывает комплекса неполноценности.

— А у Гамлета?

— Да ты что? Если бы у него был комплекс неполноценности, он тут же пошел бы служить королю... И вот я думаю: мы преодолеем этот наш самый главный комплекс, если рискнем?

— А у Гамлета?

— Да ты что? Если бы у него был комплекс неполноценности, он тут же пошел бы служить королю... И вот я думаю: мы преодолеем этот наш самый главный комплекс, если рискнем?

— А у Гамлета?

— Да ты что? Если бы у него был комплекс неполноценности, он тут же пошел бы служить королю... И вот я думаю: мы преодолеем этот наш самый главный комплекс, если рискнем?

— А у Гамлета?

— Да ты что? Если бы у него был комплекс неполноценности, он тут же пошел бы служить королю... И вот я думаю: мы преодолеем этот наш самый главный комплекс, если рискнем?

— А у Гамлета?

— Да ты что? Если бы у него был комплекс неполноценности, он тут же пошел бы служить королю... И вот я думаю: мы преодолеем этот наш самый главный комплекс, если рискнем?

— А у Гамлета?

— Да ты что? Если бы у него был комплекс неполноценности, он тут же пошел бы служить королю... И вот я думаю: мы преодолеем этот наш самый главный комплекс, если рискнем?

— А у Гамлета?

— Да ты что? Если бы у него был комплекс неполноценности, он тут же пошел бы служить королю... И вот я думаю: мы преодолеем этот наш самый главный комплекс, если рискнем?

— А у Гамлета?

— Да ты что? Если бы у него был комплекс неполноценности, он тут же пошел бы служить королю... И вот я думаю: мы преодолеем этот наш самый главный комплекс, если рискнем?

— А у Гамлета?

— Да ты что? Если бы у него был комплекс неполноценности, он тут же пошел бы служить королю... И вот я думаю: мы преодолеем этот наш самый главный комплекс, если рискнем?

— А у Гамлета?

да он играл два концерта Брамса в один вечер. С оркестром Намина. Я его спросил: хорошие музыканты? Он говорит: хорошие, только, знаешь, они Брамса играют, как Римского-Корсакова... Если быть честным, я в русском театре Шекспира без комплексов не встречал.

— А, скажем, грузинский Шекспир вам нравится? То, что делает Роберт Стурва?

— Очень. Очень. Очень. Особенно «Ричард III» с Рамазом. Я вообще люблю Стурва. Но — в Грузии...

— Абсолютно согласна.

— ... Не будем дальше расшифровывать. Даже тот «Гамлет», которого он привез с новым поколением актеров, — говорю «даже», потому что уровень чуть ниже все-таки, но и это интересно.

— Вы на какую пьесу глаз положили?

— На «Генриха IV». Там хорошие роли и без одного центрального героя. И, может, я ошибаюсь, но, по-моему, пьеса у нас расходуется.

— Расходится без вас?

— Без вас! Без вас абсолютно. Там мне делать нечего. И не хочу.

— Вы теперь на сцену не выходите ни при каких обстоятельствах?

— На сцену — нет. В кино еще снимаюсь.

— Когда вы говорите, что едете зарабатывать, — это сьемки?

— Когда я такое тебе сказал?

— Две недели назад.

— А, две недели назад, да, это кино.

— В антрепризах тоже не играете?

— Нет.

— Творческие вечера?

— У меня никогда не было творческих вечеров...

В принципе я играть могу. С большим трудом, но могу.

— Почему с трудом?

— Физически тяжело.

— Актеры обычно говорят, что на сцене все болячки проходят...

— Обманывают. Я могу тебе ответить, сколько я знаю. У человека наступает такое время, когда он не может рожать детей. Это называется импотенция. То же самое происходит в актерской жизни.

— Это спорный вопрос.

— Я бы с тобой поспорил, если бы ты хоть пять дней проработала в театре актрисой. А я проработал пятьдесят лет. Поэтому просто поверь мне. Я говорю это с болью. Другое дело, ты мне можешь задать вопрос, на который я пока не готов ответить: а чем компенсировать? Вот сейчас начнется спектакль, я включу трансляцию, буду слушать, может быть, зайду на секунду посмотрю... То есть у меня есть театр. В кино иногда снимаюсь. Ты пришла, разговариваем. А если всего

этого не будет? Что я буду делать? А ты знаешь, что врачи говорят, что надо очень осторожно быть, — сосудистые явления происходят, когда энергетика у человека снижается.

Мы можем взять этот пошлый пример: солдату отрубают голову, а он какое-то время еще бежит. То же самое в творчестве. Я еще думаю, что могу рожать детей. А уже давно не могу. Это естественная вещь, очень естественная. Я меньше всего хотел бы, чтобы это выглядело кокетством.

— Но я сама наблюдала: вы пришли на «Ва-банк», к вам зрители бросаются, вас любят, видят — Джигарханян в Москве, слава богу, жив-здоров...

— Но уже не может! Детей рожать не может!

— В конце концов существует искусственное оплодотворение.

— Ты что мне предлагаешь?! Так ты мне завтра предложишь искусственную любовь. Все должно быть внутренней потребностью... Я тебе говорю: это для меня не легкая вещь, не простая вещь. Актер — это публичная профессия, но что в ней самое интересное, как сказал умный человек? Не то, что актер играет, а то, что он скрывает. Я интересен своей тайной.

— Понятно. Значит, вы теперь будете сидеть один со своей тайной.

— Лен! Перестань! Я же тебе говорю: это проблема для меня не простая.

— А вы думаете, она простая для зрителей? Я хочу прийти в театр и увидеть вас на сцене.

— Я буду думать.

— Как будто у нас вокруг сплошные Джигарханяны, одним больше, одним меньше — какая разница?

— ... Тут пишется: долгая психологическая пауза.

Я ни от чего не зарекаюсь. А вдруг? А вдруг? Может, у меня родится какое-то желание. Может, влюблюсь...

— Ну вы теперь человек холостой, вам можно.

— Я так и знал, что ты это скажешь. Посмотрим. Будущее насильно не надо. Когда я был занятый клоун, то есть только этим занимался, я очень легко жил. Меня ничего не заботило. Ходил, играл. Сейчас меня начинают заботить странные вещи: вот эти зрители — откуда они пришли, кто их позвал? Раньше я думал, что они все пришли на меня смотреть. А оказывается, ноль целых ноль одна сотая пришла на актера, на спектакль, на автора. Остальных привели. Оказывается, во всем мире так. Нам кажется: новинка появилась, и все — у-у-у! — бегут, сломя голову. Да ничего подобного. Эти «у-у-у!» есть, но ноль целых, ноль одна сотая. Есть они — ненормальные такие, рвутся, умирают, плачут.

Я сейчас много хожу по театрам и зрителей спрашиваю: вы как попали сюда? Вы упалишь. Большинство говорит: случайно. А потом из этого рождается так называемый рейтинг, которым нам уши прожужжали. Я спрашиваю двух женщин, не будем называть, на каком спектакле: вы как сюда пришли? Вы именно сюда хотели? Нет, говорят, мы приеха-

Интервью с Арманом Джигарханяном